

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.

Ahlqvist 1998 — Ahlqvist A. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia slavica finlandensia*. Т. XV. Helsinki, 1998. S. 176.

JMS — Jukeroismurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1995.

Kalima 1915 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

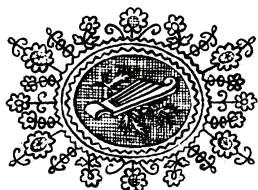
KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // *Lexica societatis Fenno-Ugricae*, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

SYWS — Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // *Lexica societatis fenno-ugricaе*. VII. Helsinki, 1942. S. 134.

VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen joeperän sanasto. Helsinki, 1995.

О. Ю. Жукова

Петрозаводск

**Об изучении языка фольклора
(на материале вепских причитаний)**

Лингвистическое изучение произведений устного народного творчества имеет особое значение в познании не только языка, но и народной духовной культуры. Язык фольклора рассматривался и в лингвистическом, и в фольклористическом аспекте. Если примеры из народнопоэтических текстов анализировать лишь в рамках языковедческих исследований, то «теряется существенная информация о семантико-функциональной стороне явлений» [Хроленко 1992: 153].

Лингвистика, занимаясь исследованием фольклорного текста, вынуждена обращаться к фольклористическим проблемам, учитывать фольклорное видение мира. Исследуя лексику языка фольклора, приходится неизбежно сталкиваться с проблемой контекста

устнопоэтического произведения. Поэтому семантику фольклорного слова необходимо рассматривать в контексте народной культуры.

Под языком фольклора можно понимать язык текстов фольклорных произведений, а также совокупность фольклорных смыслов, закреплённых в языке. Оба эти понимания сосуществуют и совершенно не противоречат друг другу [Никитина 2006: 68]. Поэтому, анализируя язык вепсских обрядовых причитаний, мы стремились рассмотреть лингво-стилистическую характеристику лексики и, по возможности, ее «культурный концепт».

Выбор причитаний в качестве объекта исследования обусловлен тем, что они считаются одним из наиболее древних жанров фольклора в целом, а «в вепском фольклоре причитания едва ли не единственный песенно-повествовательный жанр» [Васильева 1990: 173], который, несомненно, достоин специального изучения, тем более что музыковеды, например, называют плачи и причитания древнейшими из всех жанров вепсского песенного фольклора, отмечая в их напевах преобладание нисходящего мелодического движения, присущего напевам древнейших песен многих народов. Это свойство характерно, например, для карело-финских рун и русских северных былин [Лаппин 1977: 188–190]. Существует крайне мало работ, посвященных вепсскому фольклору и описывающих особенности его языка.

Обращаясь к языку устнопоэтических произведений, прежде всего, необходимо ответить на вопрос: в чем состоит специфика фольклорной речи? Исследователи полагают, что «она организована в соответствии с определенными принципами, задаваемыми традицией» [Адоньева 2004: 6]. Исследователь фольклора К. В. Чистов отмечал, что в жанре причитаний «функционирование традиции обеспечивается традиционностью приемов причитывания — „общих мест“ и правил их сочетания» [Чистов 1979: 15]. Под «общими местами» подразумеваются устоявшиеся, закреплённые представления. Использование «общих мест» служит показателем мастерства исполнителя, знания им традиций. Стабильные поэтические образования, свойственные языку фольклора, не раз становились предметом исследования фольклористов. У различных авторов встречаются разные термины этих устойчивых компонентов: постоянный эпитет, стилистическое клише, типические слова, стереотипная ситуация и др., которые несут разные смысловые наполнения. Наиболее часто встречающийся и большим смыслом наполненный термин — «традиционная формула». Традиционные формулы — это элементы, из

которых строится текст. Для традиционных тем, мотивов существует набор формул.

В лингвофольклористических работах, посвященных языку определенного фольклорного жанра, единицей описания является слово, так называемое слово-концепт, имеющее наибольшую семантическую нагруженность, или неразложимые по смыслу словосочетания (фольклорные идиомы). При отборе ключевых слов предлагается обратить внимание на частотную характеристику, участие слова в формулах и в особенности на дополнительную семантическую нагруженность [Никитина 2006: 70]. На основе текстов вепсских причитаний нами был составлен список слов и выражений, несущих специфические фольклорные смыслы, являющиеся важными при построении традиционных мотивов. После анализа всего имеющегося материала можно отметить, что дополнительной семантической нагрузкой в языке причитаний обладают значительно чаще не отдельные слова, а целые словосочетания, которые несут и существенную лингвистическую информацию. И только образуя крепкие связи, они переходят в категорию традиционных формул.

Обратимся к именам существительным, несущим основную смысловую нагрузку, у которых «особая роль в формировании реалий фольклорного мира» [Хроленко 1983: 59]. Из всех связей существительного с другими словами прежде всего можно выделить традиционное сочетание «существительное + прилагательное», т. е. конструкции с эпитетом. Случаи использования существительных без эпитетов в анализируемых нами текстах причитаний редки. Можно сказать, что степень обязательности эпитетов высока. Зачастую у существительного имеется один преобладающий эпитет. Порой семантические связи между прилагательным и существительным становятся настолько близкими, что это сочетание попадает в категорию устойчивых эпитетов, используемых в разных текстах жанра.

Исходя из этого, по семантическим полям (тематическим группам) группировать лучше не отдельные имена существительные, а конструкции с эпитетом, т. е. атрибутивные словосочетания. Можно выделить шесть основных тематических групп: **«термины родства и их метафорические замены»** (*kalliž kandeihudem* — «дорогая меня выносившая», *kalliž kazvatejeižem* — «дорогой меня вырастивший», *libed linduine* — «милая пташечка», *sötei tatoihudem* — «кормилец батюшка», *vesiü viikoihudem* — «веселый мой братец» и т. д.); **«человек, части тела»** (*käbed kädud* — «милая рученька», *sula suhut* — «милый ротик», *jalod*

jougaizēd – «быстрые ноженьки», *süvād südaimeid* – «глубокие внутренности», *šuukuizēd hibusuded* – «шелковые волосики» и т. д.); «дом, жилище» (*korged kodine* – «высокий домик», *korktad horominaizēd* – «высокие хоромушки», *dubovi stoleine* – «дубовый столик», *dubovi vereine* – «дубовая дверца», *izo ikneine* – «милое окошечко» и т. д.); «природа» (*vouged peiveine* – «светлое (белое) солнышко», *tihed tomut* – «густая черемушка», *käbed kăgoihut* – «красивая (красная) кукушечка», *viher vihmeine* – «свежий (зеленый) дождик», *melaž meceine* – «милый лесок» и т. д.); «время» (*čoma peiveine* – «красивый денек», *časovijad časuižed* – «часовые часочки», *sulad sutkeizēd* – «милые суточки», *posledni pordoine* – «последние мгновения (моменты)», *käbed kezeine* – «красное лето» и т. д.); «абстрактные понятия» (*verhad vilud avarod armod* – «чужие холодные ласки», *kaks'poližed avarod armod* – «двусторонние (обширные) большие ласки», *avar abid* – «(широкие) большие обиды», *paksud pagineizēd* – «частые разговорчики», *laskvad loduižed* – «ласковые речи» и т. д.). Деление лексики по тематическим разделам демонстрирует нам приоритеты фольклорной картины мира данного жанра. Затем мы можем рассматривать ключевые словосочетания отдельно, при характеристике, придерживаясь следующих пунктов:

1. **Заглавное слово**, в качестве которого может выступать как отдельное слово, так и сочетание слов;
2. **Варианты** (фонетические, морфологические с указанием традиции);
3. **Толкование** (характеристика значения слова);
4. **Иллюстрация**;
5. **Атрибуты** (указание постоянного эпитета и / или переменных определений);
6. **Глаголы** (основные сочетания с глаголами);
7. **Словообразование**;
8. **Комментарий** (семантическая интерпретация; дополнительная информация, которая может выходить за рамки собственно лингвистического исследования).

Рассмотрим ключевое словосочетание из тематической группы «абстрактные понятия»: **Verhad vilud avarod armod** (средневепская традиция) – «чужие холодные (большие) ласки (любовь)», *verhad vilud abarod armod* (восточные говоры средневепского диалекта).

В свадебных причитаниях данная традиционная формула символизируют замужнюю жизнь.

Из плача невесты: *En mahtaška minä ugot't'a verhile viluile avaroile armoile* – «не сумею я угодить чужим холодным ласкам» [ОВР 1969: 98].

О замужестве: *Lindas verhad vilud armoizēd-ne kiven da kinkčed-ne, roudan da kovučed-ne* – «Будут чужие холодные ласки камня крепче, железа тверже» [ОВР 1969: 37].

Жить в замужестве: *verhiil armoizil* — «у чужих ласк» [Väisänen 1916 № 53], *elän verhiš viluiš avaroiš armoiziš* [Фон. ПГК № 313/8016] — «жить в чужих холодных ласках».

Названная традиционная формула отмечается и в похоронных плачах, где она символизирует «сиротскую долю», например, дочь плачет по матери: *Kuna sinä gätid mindai aigaližen i aigatoman da sirotinan kesken kazmatoman, kesken libumatman i goregor'kian sirotinan verhiže viljihe armoihe. I nevo i nakaži minin kut tarbiž i pagištoitta verhid viljid avaroid armoid*. [NÄKM 1951: 536] — «Куда ты оставила меня раннюю раньше времени сиротину еще не выращенную, еще не поднятую и горе-горькую сиротину в чужие холодные ласки. И насоветуй и научи меня, как нужно разговаривать чужие холодные ласки».

Закрепление постоянных эпитетов, которых в данном случае чаще три: *verhad vilud avarod* — говорит о семантической значимости их выражения. Эпитеты призваны продемонстрировать смысловую функцию традиционной формулы. Прилагательные *verhad vilud* — «чужие холодные» репрезентируют оппозицию «свое-чужое», «чужое» всегда «холодное». Причем они аллитерационны между собой — *verhad vilud*. Прилагательное *avarod (avar)* — «большие» (широкие, обширные, безграничные) призвано соблюсти в сочетании аллитерацию с существительным: *avarod armod*. Слово встречалось лишь в текстах причитаний (как постоянный эпитет к слову *abid* — «обида» и *armod* — «ласки, любовь»), но не было зафиксировано в разговорной вепсской речи, хотя оно известно в значении «широкий», «просторный» другим близкородственным языкам: фин.: *avara*, кар.: *avara*, водс.: *avaro*, эст.: *avar* [SSA 1992: 91]. На современном этапе развития вепсского языка прилагательное включается в словари младописьменного языка как самостоятельное слово *avar* — «просторный, обширный» и становится основой для производных слов: *avar* > *avaruz* (пространство, ширина, космос) [Зайцева, Муллонен 1995: 15].

Гл.: *mānda verhiže viluihe avaroihe armoihe* — «уйти в чужие холодные большие ласки (выйти замуж)», *pagištoitta i lodeižoitta verhid viluid avaroid armoid* — «разговорить и разбеседовать чужие холодные большие ласки», *elāda verhiš vuluiš avaroiš armoiziš* — «жить в чужих холодных больших ласках», *jätta verhiže viluihe armoihe* — «оставить в чужие холодные ласки».

Существительное в текстах причитаний употребляется лишь во множественном числе: *arm* > *armod* — «любовь, ласка».

Таким образом, разрабатываемые в современной лингвофольклористике методики описания фольклорного слова могут быть в определенной мере применены и к языку вепских причитаний.

Литература

- Адоньева 2004 — Адоньева С. Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- Васильева 1990 — Васильева Е. Е. Вепская причетная мелострофа в междужанровых и межетнических отношениях // Современное финно-угроведение. Л., 1990. С. 170—177.
- Зайцева, Муллонен 1995 — Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995.
- Лапин 1977 — Лапин В. Русская песня у вепсов (К вопросу о генезисе народного музыкального мышления) // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 183—211.
- Никитина 2006 — Никитина С. Е. К проблеме составления словарей языка фольклора // Первый всероссийский конгресс фольклористов (сб. докл.). Т. 2. М., 2006. С. 66—82.
- ОВР 1969 — Образцы вепской речи / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1969.
- Фон. ПГК № 313/8016 — фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова. № 313/8016.
- Хроленко 1983 — Хроленко А. Т. Смысловые связи слов в фольклорном тексте // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1983. С. 59—65.
- Хроленко 1992 — Хроленко А. Т. Современная отечественная лингвофольклористика: цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. С. 153—166.
- Чистов 1979 — Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 13—20.
- NÄKM 1951 — Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista / E. N. Setälä, J. H. Kala. Helsinki, 1951.
- SSA 1992— Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, 1992.
- Väisänen 1916 — Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia., 1916 (рукопись).